

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930.85

Т.В. Полежаева

«СЕЙ СТАРЕЦ ДОРОГ НАМ...»: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ А.С. ШИШКОВА

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Анализируется стратегия политического поведения А.С. Шишкова, основывающаяся на традиционной культурной модели – образе старца; выясняются ее литературные истоки в творчестве адмирала – его ранние переводческие работы в области детской книги. Исследуются контекст и функции использования литературной метафоры, причины ее успешного функционирования.

Ключевые слова: А.С. Шишков; старец; И.Г. Кампе; «идеологическая метафора»; Н.М. Карамзин.

В годы социально-политического реформирования образованная часть общества, желая выработать стратегию поведения для адекватного выражения своих государственных взглядов и идей, нередко обращается к литературе – своеобразному хранилищу культурных моделей. Их отбор во многом зависит от исторического контекста: периоды реакции сопровождаются интересом к поведенческим образцам, связанным с консервативными ценностями; во времена же активного реформирования и революций «политическая весна» обуславливает использование метафор молодости и обновления.

Цель данной статьи – показать литературную и фольклорную основу политического поведения адмирала и литератора А.С. Шишкова, активно использовавшего образы «старости» и «старца» в период своей деятельности в качестве министра народного просвещения (1824–1828 гг.).

Самый яркий пример этому встречаем в его бумаге «Для чтения в свободные часы» [1. С. 2], поданной императору 25 мая 1824 г. вскоре после назначения его на должность министра народного просвещения. В ней адмирал несколько раз подчеркивает свою немощность, старость, болезни и физическую несостоятельность: «Государь, могу ли я, утружденный бременем лет и болезнями, стать противу гидры, которую преодолеть потребны Геркулесовы силы?», «телесные силы мои слабеют, а с ними притупляется и зрение и память». И далее: «Может ли даже и самая старость и слабость моя, при глазе Благословенного Александра, не воспрянуть и не ободриться?», «прожил на свете семьдесят лет, которые прошли как миг» и т.п. [1. С. 2–4].

В данном случае мы находим причудливое сочетание реальности и сознательное сгущение красок, «старение» собственного облика. Так, А.С. Шишкову было не 70 лет, а 66 – вполне обычный возраст для назначения на должность министра народного просвещения.

Предыдущие министры, Завадовский и Разумовский, занимали этот пост в 63 и 62 года соответственно, но в отличие от адмирала они не жаловались императору на свой возраст, болезни. Чтобы узнать, как трактовалась Шишковым проблема «старости» и как использовалась модель поведения «старца», обратимся к его литературным произведениям.

Самое раннее сочинение А.С. Шишкова, в котором появляется и оказывается очень важным образ старости (в более широком смысле старшинства¹ [2. С. 294, 295]) – это его перевод «Маленькой детской библиотеки» И.Г. Кампе (I.H. Campe «Kleine Kinderbibliothek»).

В начале 1780-х гг. А.С. Шишков, недавно окончивший курс гардемарина и продолжавший службу в Морском кадетском корпусе, по поручению председателя переводческой комиссии С.Г. Домашнева приступил к переводу «Маленькой детской библиотеки», составленной известным педагогом – филантропистом И.Г. Кампе и вышедшей с 1779 г. Свой перевод Шишков основал на первых двух книжках «библиотеки» (всего их было в первом издании 12 томов), он не просто перевел, но творчески переработал произведения различных жанров (пьесы, басни, стихи и др.) [3. С. 57], подстроив их под русскую действительность: заменил немецкие имена русскими, вставил картины русского пейзажа, местного колорита. А.С. Шишков дополнял и исправлял свой перевод, который в самом полном виде вышел в 1806–1807 гг. под названием «Собрание детских повестей» (переиздан в 1816 г.). Сочинение Шишкова было первой в России книгой, созданной для детей. Она была благосклонно встречена критиками и неоднократно переиздавалась (с момента выхода книги в 1783 г. и до 1842 г. – около 10 раз) [4. С. 38]. Последнее переиздание совершено уже в наши дни [5].

Судьба перевода А.С. Шишкова (востребованность в конце XVIII – начале XIX в., забвение в последую-

щие годы и современное переиздание) обусловлена, как показывают исследователи, несколькими факторами. В их числе ключевым можно назвать простой и понятный язык изложения с «удачной передачей конкретных игровых реплик, неумной детской энергии, радости движения, праздничного восторга, мимолетного испуга...» [6. С. 225]. Установка на простоту изложения отсылала к низкому стилю, т.е. к разговорному языку и народной стихии. О понятности и доступности языка перевода свидетельствует случай, описанный И.А. Гончаровым: его слуга, прочитав «Николашину похвалу зимним утехам», разочарованно заметил: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба» [7. С. 134]. Влияние народной стихии проявилось также и в использовании Шишковым фольклорных оборотов и лексем (слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «матушка», «баюшка»; «Баю, баюшки, баю» в «Кольбельной песенке, которую поет Анюта, качая свою куклу»²), знакомство с которыми он вынес, по-видимому, из детства, когда, по его же свидетельству, «до тринадцатилетнего возраста жил я в глуши у дедушки ни чему не учась и без всякого воспитания» [9. С. 121].

Книга И.Г. Кампе дала толчок к новому пониманию процесса воспитания гражданина: оно должно быть «естественным» и проводиться на лоне природы. Квинтэссенцией учения, выросшего на идеях Ж.Ж. Руссо о «естественном человеке», можно считать слова Базедова, одного из основателей нового педагогического течения, провозгласившего: «Природа! Школа! Жизнь!» [10]. Так, вошедшие в «Маленькую детскую библиотеку» произведения описывают детские эмоции, переживания; природный ландшафт сочетается с назидательными идеями, как, например, в «Песенке к дождю», где вслед за описанием действий дождя на природу («пыль с листочков оmyвает, / оживают древа») идет морально-религиозный императив («Ты сего создавший червя, / всяку травку, весь сей скот, / все древа и все цветочки / будь благословен Творец» [11. С. 7]).

В русле традиционного, «естественного» изображения оказывается и образ старца, роль которого практически Шишковым не изменяется по сравнению с оригиналом: старик – это, с одной стороны, символ мудрости, опыта. Такой герой появляется в следующих произведениях: «Благодетельный Митюша» (старик Благонрав), «Дитя, добрым наказанием исправленное» (старик Добронрав), «Удалися от зла и сотвори благо, хотя бы то было в тайне» (старик Честнодум) и др. С другой стороны, старик является маргиналом, олицетворяющим нищету и болезни («Бедный человек и его сын», «Щастие благодетельства» и др.).

Оба толкования «старости» направлены на нравственное воспитание детей, на демонстрацию примеров добродетелей, таких как сострадание, честность, доброта и пр. Автор (а вслед за ним и переводчик) стремится научить детей уважать старость и старших за их

ум и жизненный опыт, привить чувство сострадания к нищим и больным старикам. Образы эти органичны и естественны и выполняют, прежде всего, нравственно-воспитательную функцию. Глупость молодых и правота взрослых – основная тема басней, встречающихся в «Собрании детских повестей», которые, как указал В. Имендерфер, во многом напоминают басни И.И. Хемницера [12. С. 57]. Их основной нравоучительный мотив можно выразить в словах: «Не презирайте, сударь, впредь советов старых и знающих» [11. С. 61].

Двойственное понимание старости восходит, как показала Т.А. Бернштам, к традиционному восприятию старика в хозяйственной и социальной жизни крестьянской общины, когда, с одной стороны, старость трактовалась как естественная потеря трудоспособности и физическое ослабление (отсюда мотивы беспомощности стариков). С другой стороны, стариков уважали за их опыт, мудрость, они обладали большим авторитетом «в силу той или иной традиции, вызванной различными социальными факторами – переселенческими связями, имущественной, административной властью, религиозным уставом “старчества” (старообрядцы) или всеми вместе» [13. С. 126]. Таким образом, в «Собрании детских сочинений и повестей» нашли отражение особенности возрастного восприятия традиционной общины.

А.С. Шишков еще не раз обращался к детской тематике, и назидательный образ старца часто им использовался. Одно из последних произведений, написанных адмиралом, «Беседа мудрого старца с девицей юной о чувствах и словах», было создано для его внучатой племянницы Софьи, и «мудрым старцем» выступает в нем сам А.С. Шишков.

Итак, герой-«старец» встречается у Шишкова в его ранних сочинениях, посвященных детской тематике. Он трактуется в двух традиционных смыслах: как символ мудрости, опыта и как воплощение болезненности, нищеты, и выполняет нравственно-воспитательные функции. В дальнейшем «старец», попав в контекст государственного строительства, станет играть роль, по выражению К. Гирца, «идеологической метафоры» [14] – литературной формы, применяемой в политическом творчестве и оказавшейся важной составляющей публичного поведения Шишкова. Чтобы выделить особенности функционирования образа в политической среде, коротко остановимся на государственных воззрениях адмирала.

Истоки государственных взглядов А.С. Шишкова можно увидеть в его стихотворении «Старое и новое время» (1784), которым автор очень гордился и перепечатывал его несколько раз. В нем нашли отражение ранние взгляды Шишкова на современную ему действительность (время Екатерины II). Противопоставляя идеальные «прежние» веки и настоящее время, он рисует безотрадную картину порчи нравов. В творчестве Шишкова оппозиции «старое – хорошее», «новое –

плохое» сохраняют свою актуальность и в последующем, будут скорректированы лишь хронологические ориентиры: что считать «старым» временем, относительно которого идет сравнение, что является границей между «прежними веками» и «нынешними». М.Г. Альтшуллер высказал предположение, что идеальное старое время (хотя автор и назвал его прошлым) – на самом деле гипотетически построенное и страстно желаемое автором будущее [15. С. 36]. На его (вос-)создание и были направлены идеологические усилия последующей деятельности Шишкова.

Развивая свой тезис о «порче нравов», А.С. Шишков впервые публично заявил о ее причинах в «Рассуждении о старом и новом слоге», вышедшем в 1803 г., назвав разрушительным фактором русского национального своеобразия влияние французской культуры. Более ярко его мысль прозвучала в бумагах, обращенных к императору, где источник всех зол назван в обобщенном виде – «дух времени» [1. С. 2]. Под ним Шишков подразумевал революционные идеи Франции, вызвавшие гибель традиционных ценностей. В этом смысле он соглашался с немецким публицистом Э.М. Арндтом, сочинение которого [16] перевел на русский язык. В одном из примечаний переводчика Шишков писал: «Революционные, или (что-то же самое) адские, правила и хитрости состоят в том, что... в добре выставляют они худую и закрывают добрую, а в хуле, напротив, показывают добрую и закрывают худую сторону. Человек, путеводимый ими, привыкает видеть вещи наизусть: в благонравии кажется ему буйство и в буйстве – благонравие, в просвещении – невежество и в невежестве – просвещение, в свободе – рабство и в рабстве – свобода и так далее. Отсюда смешение всех пороков и добродетелей; отсюда под именами разума, любомудрия, правды, чести, вольности, равенства, появились безверие, сластолюбие, ложь, бесстыдство, безначалие, насильство, и все лютые деяния необузданных страстей человеческих. Отсюда священнейшие имена: Бог, вера, Царь, закон, отечество, родство, брак, старость, любовь, дружба, бескорыстие, благонравие, кротость стали мало помалу изглаживаться из сердец» [16. С. 207, 208].

Великая Французская революция, можно сказать, явилась точкой, относительно которой строились все политические взгляды Шишкова, она стала границей между идеальным «старым» и испорченным «новым» временем в период наполеоновских войн [17].

В бумагах, которые А.С. Шишков подавал императору, будучи министром народного просвещения, отчетливо рисуются последствия влияния французских идей на русскую действительность, напоминающие апокалипсис: «пламя» революционных идей тлеет среди российских подданных, православная вера искажается, ереси множатся, нравственность гибнет. Спасение в этом «тлеющем» конфликте лежит в любви и преданности православного русского народа императору. Чтобы оградить народ от французской «заразы», мини-

стерству просвещения необходимо соорудить «стену» – новый цензурный устав. В такой картине апокалипсиса образ старца играет важную роль.

В идеологическом творчестве А.С. Шишкова, призывающем к борьбе за русскую национальность (А.Л. Зорин метко охарактеризовал его как «мобилизационная идеология» [18. С. 239–266]), образ старости используется как сознательно созданная («изобретенная») категория традиционности. В преддверии и во время ведения войны с французами мотив немощи возникает при демонстрации безнравственности и жестокости захватчиков: «Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжеумствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях: и слышано ли когда, чтобы *столетние старцы* (здесь и далее курсив наш. – Т.П.) и не рожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение?» [19. С. 75]. «К расхищению и разрушениям присовокупляются бесчеловечие и лютость: набрав груды вещей, возлагали бремя сие на пойманного на улице *старого или увечного человека*, принуждая его вести оное в их стан, и когда он под тяжестью изнемогал, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Некто из пожилых благородных людей, будучи в параличе, не мог выехать из Москвы и оставался в собственном своем доме. К нему вбежали несколько человек и на глазах у него разграбили и зажгли дом его. Он с трудом вышел на улицу, где другая шайка тотчас напала на него, содрала с него сюртук, все платье, сапоги, чулки и стала снимать последнюю рубашку; несчастный больной в знак просьбы прижал ее руками к телу, но, получив саблю удар по лицу, растянулся наг и окровавлен без чувств на земле» [19. С. 73], «*старость* трясущеюся своею главою и младенчеством безбоязненно своею улыбкою не могли смягчать вашей лютости и свирепства» [19. С. 167].

Описание старости как мудрости встречаем в произведениях, содержащих тему Смутного времени, которой А.С. Шишков и его сторонники уделяли особое внимание, рассматривая его как исторический аналог современной им ситуации [16. С. 115–122; 20. С. 98, 99]. Среди национальных героев того времени находим и старцев. В «Речи о любви к Отечеству», прочитанной А.С. Шишковым в 1811 г., ярко описан подвиг Гермогена: «Гермоген, Патриарх Московский, был наш Регул. Великого мужа, *почтенного старца* сего некто из наших стихотворцев так изображает: «Кто муж сей мудрый, сановитый, / Премрачный, как луна во мгле, / Имущий кроткий зрак открытый, / Ко правде ревность на челе? / Блестит в очах, слезить усталых, / Как солнца луч сквозь ранний пар, / К отечеству сердечный жар. / Бледнеет скорбь в ланитах впалых, / До чресл волнуется брада; / Глава годами оснежена, / Вся крепость плоти измождена, / Душа единая тверда».

Одним словом, все преодолено было; но оставался еще один оплот, всего крепчайший: оставался в изне-

моженном теле *старца* дух твердый; оставался Гермоген» [21. С. 159, 160].

В период наполеоновских войн претендовать на роль старца стал сам А.С. Шишков. Многие современники, в том числе и иностранцы, завывшали его возраст [22]. Например, упоминавшийся выше Э.М. Арндт, немецкий публицист, автор антинаполеоновских манифестов, после встречи с А.С. Шишковым в 1812 г. оставил следующую характеристику: «Еще занял у меня время и силы один старый русский адмирал... Звали его адмирал Шишков, так приблизительно выговаривалось имя. Это был большой оригинал, настоящий русский, я думаю, высшей пробы. Он обладал главными чертами своего народа, веселостью, склонностью к удовольствиям и неопишваемым проворством и живостью во всех членах и мимике. Положительно было в нем что-то от Суворова. Семидесятипятилетний старик, с совершенно особенным лицом и ироничными, при этом весьма добрыми чертами, находящимися в таком непрерывном изменении, какого я не встречал ни у кого другого»³ [22].

Как указывает Е. Земскова, Э.М. Арндт «составил» Шишкова (в 1812 г. последнему было 58 лет), преследуя свои цели: его восприятие адмирала основывалось на широких культурных представлениях немцев о русской нации как молодой, недавно вступившей на путь европейского развития и, вследствие этого, еще сохранившей связь с традиционным прошлым. Вместе с тем исследовательница сделала предположение, что ошибка в возрасте «могла быть частью стратегии создания образа странноватого, но умудренного старца» [22].

Для того чтобы понять, какие функции выполняет образ старца в политическом контексте, вернемся к записке А.С. Шишкова от 24 мая 1824 г. В ситуации апокалипсиса, которую автор красочно обрисовывает, «старец» ему нужен, во-первых, чтобы снять с себя ответственность за заранее возможные неудачи в сфере просвещения (в силу ограниченности физических сил): «Государь, могу ли я, утружденный бременем лет и болезнями, стать противу гидры, которую преодолеть потребны Геркулесовы силы?» [2. С. 2]. Шишков настаивает на том, что, хотя он предупреждал государя о губительном влиянии «духа времени» на молодые умы и выступал за ужесточение цензурного устава (проект был им подан в 1815 г.), его никто не послушал, а теперь принимать какие-то меры может быть уже поздно, на сопротивление у него осталось мало сил. Но А.С. Шишков продолжает борьбу, даже не надеясь на успех и в положении, близком к отчаянью. Повторяется ситуация, когда он, выступив в 1803 г. с «Рассуждением о старом и новом слоге», заявил о борьбе с галломанией и указал на ее негативное влияние на русскую самобытность. Поначалу его мало кто послушал, но к нему обратились во время войны с Наполеоном.

Во-вторых, этот образ необходим А.С. Шишкову для безбоязненной критики предыдущего министерства А.Н. Голицына и покровительствовавшего ему императора. Хотя ценности самодержавной монархии были превыше всего для Шишкова, традиционная установка на патриархальность, авторитет его возраста, его опытность были залогом того, что государь на него не прогневадается, чтобы он ни говорил: «Юный царь объемлет в седом родителе своем мудрость, великодушие и пример, как должно любить свое Отечество» [21. С. 155]. Сам Александр подчеркивал свою невозможность гнева на Шишкова, сказав про него, что он «не столько болен телом, сколько мыслями» [25. С. 249]. Такая позиция позволила Шишкову настоять на своем и изменить устав о цензуре (этому способствовало также новое подтверждение его правоте относительно распространения революционных идей – восстание декабристов). Александр, который был чувствителен к критике его либеральных начинаний, тем не менее согласился с Шишковым и одобрил его план по устройству цензуры. Образ старца успешно срабатывает, и для выяснения причин, почему именно, обратимся к другому примеру.

В начале царствования Александра многие деятели консервативного толка, выдвинувшиеся еще в екатерининское время, подчеркивали его молодость и неопытность. Критиковал императора и Н.М. Карамзин, но его обращение к царю закончилось неудачей. В 1811 г. в Твери он подает свою записку «О древней и новой России в политическом и гражданском ее отношении», в которой как честный дворянин, преданный слуга нещадно критикует реформы Александра, показывая их противоречивость.

Свой «исторический суд» над действиями правительства Н.М. Карамзин начинает со слов: «Доселе говорил я о царствованиях минувших, – буду говорить о настоящем, с моею совестью и с Государем, по лучшему *своему* уразумению. Какое имею право? Любовь к Отечеству и Монарху, некоторые, может быть, данные мне Богом способности, некоторые знания, приобретенные мною в летописях мира и в беседах с мужами великими, т.е. в их творениях» [26. С. 46]. Ю.М. Лотман сравнил модель поведения придворного историографа с манерами маркиза Позы, героя драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский», умного, честного и преданного друга королевской особы [27. С. 480–486].

Надев на себя его маску, Н.М. Карамзин как «на духу» выдает свое недовольство политикой императора. Но его позиция, основывающаяся на рациональной критике, открытом и честном поведении, не обличенная ни в какие символично-идеологические формы, оказывается не востребованной в преддверии войны с французами и ростом патриотических настроений – и Карамзин оказывается временно в опале. Впоследствии он все-таки будет приближен

императором, остро нуждавшемся в друге, но такие поведенческие установки придворного историографа не позволят Александру назначить Н.М. Карамзина на пост государственного секретаря во время, которое требовало идеологической мобилизации – обращения к народу, патриотизму, национальным ценностям. Общественность бы не приняла такого деятеля, как Н.М. Карамзин или М.М. Сперанский, поэтому умевший разбираться в людях Александр отдает пост государственного секретаря А.С. Шишкову.

На протяжении своей жизни А.С. Шишков старался следовать типу поведения, сочетающему установки «истинного сына Отечества» [28] и традиционные ценности: он всячески подчеркивал, что ни перед кем не сгибался, своей карьерой обязан только себе⁴ [29. С. 3, 4], жил на одно жалование, не брал оброка с крестьян, любил русский народ, прославлял язык и пр. Создавая свой политический образ, Шишков претендовал на роль национального героя – того самого старца, который возбуждал своими речами «народный дух»: «Сей пламень твердым гласом Царя, благочестивыми советами духовенства, великим духом дворян и примерами многих почтенных старцев и мужей был восплаем и питаем» [17. С. 206]. Безусловно, среди этих примеров «почтенных старцев» он отводил место и для себя. Не зря он оскорбился, узнав, что ему не прислали знак отличия –

медаль «В память Отечественной войны 1812 г.» (хотя его давали только военным чинам), и сам надел его на себя, полагая: «Пусть лучше он будет снят... нежели не дан» [24. С. 248].

Таким образом, в политической деятельности А.С. Шишкова образ старца сохраняет свои изначально заданные традиционной культурой смыслы – мудрости и немощи. В картинах поругания национальных ценностей унижение стариков и издевательства над ними призваны показать бесчеловечность французов, их жестокость, отсутствие каких-либо моральных норм. Справиться с угрозой могут помочь умудренные, опытные люди – здесь мы видим другую роль старости.

Постепенно, шаг за шагом А.С. Шишков создавал свой идеализированный образ, который диктовал ему определенную стратегию взаимоотношений с государством. Выступая в роли старца, он выстраивает концептуальный диалог с императором. Такая стратегия поведения позволяет Шишкову критиковать самодержца, давать ему советы и вместе с тем уйти от ответственности, если они не сработают. Она – в отличие от поведенческой модели Н.М. Карамзина – оказывается эффективной в период наполеоновских войн и в послевоенный период реакции, взывая к национальным чувствам, традиционным ценностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.В. Колесов отмечал раннее закрепление социального смысла за словом «старый» (в значении «старший») [3. С. 294, 295].

² Ср. в немецком оригинале: «Schlaf, Kindchen, schlaf» [8. S. 2, 3].

³ Описание А.С. Шишкова встречается в сокращенном виде и в других текстах [23. S. 25, 26; 24, стб. 92–94].

⁴ Некоторые биографы А.С. Шишкова, в частности Е.Э. Лямина, ставят его независимость в карьере под сомнение [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишков А.С. Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1868. 142 с.
2. Колесов В.В. Древняя Русь. Наследие в слове. СПб., 2000. Кн. 1: Мир человека. 326 с.
3. Боленко К.Г. «Kleine Kinderbibliothek» И.Г. Кампе в переводе А.С. Шишкова // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1996. № 3. С. 57–68.
4. Материалы по истории русской детской литературы. М.: Изд-во ИМВР, 1929. Вып. 2. 190 с.
5. Самая первая детская книга. Книга о книге «Детская библиотека» Александра Шишкова. СПб.: Образовательные проекты; М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 2012. 128 с.
6. Боленко К.Г., Лямина Е.Э. «Классическое стихотворение». О детском стихотворении А.С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 222–227.
7. Гончаров И.А. Слуги старого века // Гончаров И.А. Собр. соч. в 8 т. М., 1980. Т. 7.
8. Fiekchens Wiegenlied, ihrer Puppe vorzusingen // Kleine Kinderbibliothek. Erster Theil. Braunschweig, 1794. S. 2, 3.
9. Из семейной переписки А.С. Шишкова / вступ. статья и публикация К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой // Пушкин и его современники. 2005. Вып. 4 (43).
10. Подробнее об идеях филантропизма см.: Земскова Е.Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова // Философский век: альманах. СПб.: 2000. Вып. 12: Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. С. 86–98.
11. Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1818. Ч. 1. Собрание детских повестей. 403 с.
12. Имендерфер В. Первые детские басни в России XVIII века // Русская литература. 1998. № 2. С. 51–64.
13. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 274 с.
14. Гириц К. Идеология как культурная система // НЛО. 1998. № 29.
15. Альтшуллер М. «Беседа любителей русского слова»: у истоков русского славянофильства. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 444 с.
16. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. 1827. Ч. 10. С. 157–333.
17. Альтшуллер М.Г. А.С. Шишков о Французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 144–149.
18. Зорин А. «Кормя двуглавого орла...». Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 416 с.
19. Шишков А.С. Краткие записки, веденные в войну с французами // Шишков А.С. Огонь любви к Отечеству. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2011. С. 206–275.
20. Полежаева Т.В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX века) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 96–100.

21. Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. 1825. Ч. 4. С. 147–188.
22. Цит. по: Земскова Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А.С. Шишков в воспоминаниях Э.М. Арндта // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 89–97.
23. Arndt E.M. Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein. Berlin, 1858. S. 25, 26.
24. Из воспоминаний Э.М. Арндта о 1812 г. // Русский архив. 1871. № 2. Стб. 76–120.
25. Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова. Берлин – Прага, 1870. Т. 1. 480 с.
26. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб. : Издание Толстой, 1914. 133 с.
27. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство-СПб, 1994. С. 456–539.
28. Моряков В.И. Проблема воспитания «истинного сына Отечества» в России XVIII в. // Вестник Московского университета. 2009. Сер. 8. История. № 2. С. 42–58.
29. Лямина Е.Э. Общество «Беседа любителей русского слова» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 17 с.

Polezhaeva Tatyana V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatka35388@yandex.ru.

«WE APPRECIATE THIS ELDER»: TO THE QUESTION OF A.S. SHISHKOV'S POLITICAL BEHAVIOR.

Key words: A.S. Shishkov; elder; J.H. Campe; «ideological metaphor»; N.M. Karamzin.

In periods of social changes people have to find a strategy of behavior that improves collaboration with the officials. Such strategies are often based on literature metaphors which are selected depending on historical conditions. For instance, periods of transformation need images of refresh, youth etc. On the other hand, times of conservation are described using metaphors of tradition, values of ancestry etc. In this article the author analyses the literary sources and political functions of A.S. Shishkov's «elder» image. As an admiral, a writer, a State Secretary and Minister of Education (1824–1828) he was an active participant of the political life at the beginning of the XIXth century. Trying to influence the Emperor's decisions, Shishkov makes himself look older. The «elder's» image appeared at first in the book «Malen'kaya detskaya biblioteka» translated from German by Shishkov in 1780s. There is a tendency to connect a book's popularity with the language it was written in. Its clarity and simplicity was formed by using words from the «low style» and folklore. The book contains two interpretation of «elder's» image. On the one hand, «old man» is associated with wisdom and great experience. On the other hand, it means disease and poverty. Such was a traditional meaning of the «elder». These two meanings of old age are reproduced in Shishkov's political documents. As an «elder» he applied to the Emperor, gave him advice, criticized his policy. He could not be punished because of his poor health, so his strategy reached the aim. However, there is still a question: why? The author answered the question by analyzing another model of a similar behavior. It was N.M. Karamzin who wanted to be closer to Alexander I than others. It was found by M. Lotman that the historian, who wanted to be a friend with the Emperor, used another literature metaphor. Karamzin addressed to the Schiller's drama – «Don Karlos, Infant von Spanien» in which Marquis Posa, the honest friend of the prince, gave him advice and died for him. However, this strategy failed because of war times. The author argues that the image of the «elder» used by Shishkov has its origin in folklore and national traditions. Thus the Emperor accepted the «old man» image successfully in the period of rising patriotism before and after Napoleon's invasion.

REFERENCES

1. Shishkov A.S. *Zapiski admirala Aleksandra Semenovicha Shishkova* [The notes of Admiral Alexander Semenovich Shishkov]. Moscow, 1868. 142 p.
2. Kolesov V.V. *Drevnyaya Rus'. Nasledie v slove* [Ancient Rus. Heritage in the Word]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2000. Book 1, 326 p.
3. Bolenko K.G. «Kleine Kinderbibliothek» I.G. Kampe v perevode A.S. Shishkova [«Kleine Kinderbibliothek» by I.G. Kampe translated by A.S. Shishkov]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya*, 1996, no. 3, pp. 57-68.
4. Pokrovskaya A.K., Chekhov N.V. (eds.) *Materialy po istorii russkoy detskoy literatury* [Materials on the history of Russian Children's Literature]. Moscow: Izd-vo IMVR Publ., 1929. Issue 2, 190 p.
5. *Samaya pervaya detskaya kniga. Kniga o knige "Detskaya biblioteka" Aleksandra Shishkova* [The First Children's Book. Book about the Book "Children's Library" by Alexander Shishkov]. St. Petersburg: Obrazovatel'nye proekty Publ., Moscow: LINKA-PRESS Publ., 2012. 128 p.
6. Bolenko K.G., Lyamina E.E. «Klassicheskoe stikhotvoren'itse». O detskom stikhotvorenii A.S. Shishkova «Nikolashina pokhvala zimnim utekham» [“Classical Little Poem”. On the Children's Poem by A.S. Shishkov “Nikolasha's Praise of Winter Pleasures”]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*, 1994, no. 6, pp. 222-227.
7. Goncharov I.A. *Slugi starogo veka* [Servants of the Old Times]. In: Goncharov I.A. *Sobr. soch. v 8 t.* [Coll. works in 8 vols.]. Moscow, 1980. Vol. 7. *Fiekhsen Wiegenlied, ihrer Puppe vorzusingen*. In: *Kleine Kinderbibliothek. Erster Theil*. Braunschweig, 1794, pp. 2-3.
9. Shishkov A.S. *Iz semeynoy perepiski A.S. Shishkova* [From A.S. Shishkov's family correspondence]. In: Larionova E.O. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his Contemporaries]. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2005. Issue 4 (43).
10. Zemskova E.E. *O roli yazyka v postroenii natsional'noy utopii: "onemechivanie" Kampe i "korneslovie" Shishkova* [On the role of language in the national utopia creation: “Germanization” of Kampe and “Rootspeaking” of Shishkov]. In: Artemyeva T.V., Mikeshein M.I. *Filosofskiy vek* [Philosophical Age]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy Tsentr istorii idey Publ., 2000. Issue 12, pp. 86-98.
11. Shishkov A.S. *Sobranie sochineniy i perevodov admirala Shishkova* [Collection of essays and translations of Admiral Shishkov]. St. Petersburg, 1818. Part 1, 403 p.
12. Imenderfer V. *Pervye detskie basni v Rossii XVIII veka* [The first children's fables in Russia in the 18th century]. *Russkaya Literatura*, 1998, no. 2, pp. 51-64.
13. Bernstamm T.A. *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny XIX – nachala XX v.* [Youth in the ceremonial life of the Russian Community of the 19th – early 20th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 274 p.
14. Girts K. *Ideologiya kak kul'turnaya sistema* [Ideology as a cultural system]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*, 1998, no. 29.
15. Altschuler M. *“Beseda lyubiteley russkogo slova”: u istokov russkogo slavyanofil'stva* [“Conversation of Russian literature lovers”: at the origins of Russian Slavophiles]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2007. 444 p.
16. Shishkov A.S. *Sobranie sochineniy i perevodov admirala Shishkova* [Collection of essays and translations by Admiral Shishkov]. St. Petersburg: Imperial Russian Academy Publ., 1827. Part 10. pp. 157-333.
17. Altschuler M. A.S. Shishkov o Frantsuzskoy revolyutsii [A.S. Shishkov about the French Revolution]. *Russkaya Literatura*, 1991, no. 1, pp. 144-149.
18. Zorin A. *“Kormya dvuglavogo orla...”*. *Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [“Feeding the Imperial Eagle...”. Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first half of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p.

19. Shishkov A.S. *Ogon' lyubvi k Otechestvu* [The flame of love to the Motherland]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2011, pp. 206–275.
20. Polezhaeva T.V. Language as a factor of national unity (debates between the Archaists and the Karamzinians in early 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 376, pp. 96-100. (In Russian).
21. Shishkov A.S. *Sobranie sochineniy i perevodov admirala Shishkova* [Collection of essays and translations by Admiral Shishkov]. St. Petersburg: Imperial Russian Academy Publ., 1825. Part 4. pp. 147-188.
22. Zemskova E.E. [Russian patriotism in German translation: A.S. Shishkov in memoires of E.M. Arndt]. *Trudy Russkoy antropologicheskoy shkoly* [Proc. of Russian School of Anthropology], 2004. Vol. 2, pp. 89- 97.
23. Arndt E.M. *Meine Wanderungen und Wandelungen mit dem Reichsfreiherrn Heinrich Karl Friedrich von Stein*. Berlin, 1858, pp. 25-26.
24. *Iz vospominaniy E.M. Arndta o 1812 g.* [From E.M. Arndt's memoirs about 1812]. *Russkiy arkhiv*, 1871, no. 2, pp. 76-120.
25. Shishkov A.S. *Zapiski, mneniya i perepiska admirala Shishkova* [Notes, opinions and correspondence of Admiral Shishkov]. Berlin, Prague, 1870. Vol. 1, 480 p.
26. Karamzin N.M. *Zapiska o drevney i novoy Rossii* [The note on Old and Modern Russia]. St. Petersburg: Tolstaya Publ., 1914. 133 p.
27. Lotman Y.M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian Nobility (the 18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 1994, pp. 456-539.
28. Moryakov V.I. *Problema vospitaniya «istinnogo syna Otechestva» v Rossii XVIII v.* [The problem of educating a «true son of the Fatherland» in Russia in the 18th century]. *Vestnik MGU. Seriya 8: Istoriya*, 2009, no. 2, pp. 42-58.
29. Lyamina E.E. *Obshchestvo "Beseda lyubiteley russkogo slova"*. Abstract of dis. kand. fil. Nauk [The society «The talk of Russian Literature lovers». Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 17 p.